ВВЕДЕНИЕ. ЧТО ТАКОЕ ЭФФЕКТ КОЛЕИ?

Проблема взаимоотношений России и Европы – одна из наиболее старых проблем российского обществоведения. Со времен Чаадаева отечественные мыслители мучительно пытаются понять: является ли Россия «особой» Европой? или она вообще не-Европа? если это так, то почему Россия не Европа? может ли она стать Европой? должна ли она к этому стремиться?..

С точки зрения физической географии эти вопросы не имеют смысла: географы считают центром Европы украинские Карпаты, так что вся центральная Россия – это безусловно Европа. Но вот с точки зрения социальной географии, принадлежность России к европейской цивилизации всегда у всех (и у россиян, и у «нормальных» европейцев) вызывала очень большие сомнения. Один маленький пример: выражение «прорубил окно в Европу», при помощи которого характеризуют получение Россией доступа в Балтийское море при Петре I, определенно свидетельствует, что Россия воспринимается как страна за пределами Европы, отгороженная от этой самой Европы какой-то стеной.

Чтобы понять, как соотносятся друг с другом современная Россия и современная Европа, необходимо взглянуть на историю их взаимоотношений. Кто правильно понимает прошлое, тот поймет настоящее и даже предскажет будущее.

Поэтому ключом к пониманию проблем взаимоотношений России и Европы мы считаем институциональную экономическую историю – историю, понимаемую как науку о процессах возникновения и развития «правил игры», определяющих отношения между людьми и механизм, побуждающий (стимулирующий или обязывающий) к их исполнению .

0.1. Институционализм как фундамент теорий экономической истории

Практически все ранее популярные и существующие в наши дни теории экономической истории были созданы в рамках или под влиянием леворадикальных экономических теорий – марксизма и институционализма. Это может показаться парадоксальным: ведь леворадикальная экономическая мысль никогда не входила в «мэйнстрим» экономической науки. Однако такое бесплодие классических и неоклассических теорий, которые в других сферах экономических знаний играли и все еще играют ведущую роль, глубоко закономерно.

Марксизм и институционализм (оба этих направления являются по существу разновидностями одной парадигмы) возникли и развивались как оппозиция сначала политической экономии, а потом «экономикс». Не случайно американский экономист Бен Селигмен назвал охарактеризовал старый институционализм как «бунт против формализма»[1]. «Бунт» - потому что сначала марксисты, а затем институционалисты пытались выдвинуть концепции, альтернативные основному учению. «Против формализма» - потому что они стремились отразить в экономической теории не только формальные модели и строгие логические схемы, но и живую жизнь во всем ее многообразии.

Чтобы понять причины столь высокой роли институционализма для теоретического осмысления экономической истории, кратко охарактеризуем методологическую основу «мейнстрима» (main stream) – классический либерализм.

Почему классическая и неоклассическая школы не могут создать теорий экономической истории

Все представители классической политической экономии и их наследники-неоклассики строили свои концепции на основе единого представления о природе

[1] Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968. Ч. 1.

человека, об обществе, о правительстве и т.д. Согласно классической либеральной парадигме, человек имеет собственные интересы, он сам способен отстаивать их в активной автономной деятельности, причем наиболее эффективным образом. Общество при таком подходе рассматривается как совокупность индивидов; “общественные интересы” - как производные от личных; лучшим считается то общество, которое в наибольшей степени позволяет индивидам свободно реализовать их частные интересы. Правительство, по мнению классических либералов, создается свободными людьми для защиты установленных конституцией прав, именно этой функцией государство и должно ограничиваться. Поскольку не существует объективных методов, позволяющих за индивидов определять их предпочтения, то именно индивиды должны сами решать, что правильно и что ложно, максимизируя свою функцию полезности.

Свобода – ключевая категория либеральной доктрины – трактуется как отсутствие принуждения, как синоним автономности и независимости. Публичная власть возникает только в результате соглашения индивидов, и только индивиды могут определить разумные границы этой власти. Равенство понимается как создание равных возможностей (а не как равенство результатов); при этом акцентируется внимание на равной защите прав, установленных конституцией. Суд должен осуществлять защиту прав в соответствии с конституцией и наказывать тех, кто нарушает права других. Экономическая эффективность достигается тогда, когда ресурсы достаются тем, кто может их наилучшим образом использовать (уплатив, соответственно, наибольшую плату). Результатом является Парето-эффективность - ситуация, в которой ни один человек не может улучшить свое благосостояние, не ухудшая тем самым положение других людей.

Трактовка происхождения государства и права как результата свободного договора свободных индивидов ведет происхождение от популярной в новое время теории “общественного договора” (социального контракта). Эта концепция изначально была иллюзией особого рода – современностью, опрокинутой в прошлое. Она родилась в эпоху религиозных войн XVI-XVII вв., когда освященная традициями феодальная регламентация стала постепенно уступать место сознательному регулированию гражданского общества. Это было время обостренного понимания справедливости; честность и бизнес казались многим несовместимыми. Развитие контрактной этики, культуры соблюдения договоров стало настоятельно необходимым. Происходит коренное переосмысление прав и свобод, дарованных каждому индивиду “от рождения”.

Теория общественного договора рассматривает свободу как “естественное состояние”, основу которого составляют права на жизнь, на свободу и на собственность. Именно эти три права образуют конституционный базис гражданского общества. Каждое из этих прав создает предпосылки для другого, переходит в другое, создает себя как другое. Право на жизнь реализуется в деятельности, подчиненной счастью и выгоде. Право на свободу отрицает политическое рабство, деспотизм. Право на собственность выступает как предпосылка и гарантия этих прав. Свободная деятельность основывается на независимом суждении, индивидуальном выборе и сознательном целеполагании. Свобода совести, слова, печати, собраний выступает как важнейшая предпосылка независимой деятельности, выбора профессий, свободы передвижений.

Конечно, концепция “естественных прав” и “общественного договора” отражала не реальный процесс политогенеза, а программные требования “третьего сословия” в его борьбе с абсолютистским государством. Эта концепция является абстракцией, идеальным образом рыночного хозяйства, где все люди – простые товаропроизводители, действующие в условиях совершенной конкуренции. Таковы были методологические основы классической политической экономии, такими же остались и базовые основы неоклассики XIX-XX вв.

Таким образом, *парадигма классического либерализма (классика и неоклассика) принципиально антиисторична*. Она склонна выдавать законы и институты развитого

рыночного хозяйства за универсальные, «искони присущие человеческой природе». Считая рынок вечным и повсеместным, она делает невозможным понимание не-рыночных (до-рыночных и пост-рыночных) общественных отношений. Классический либерализм эффективен главным образом для изучения «истории современности» - для экономической истории самых последних веков. За пределами «модернити» его креативные возможности сильно ограничены.

Как камералисты, марксисты и институционалисты создавали теорию экономической истории

Одним из первых критику классической политэкономии начал незаслуженно полузабытый в наши дни немецкий экономист Фридрих Лист (1789 – 1846). В своей «Национальной системе политической экономии» (1841) он впервые предложил подходить к политической экономии не как к описанию/конструированию универсальной и самой совершенной экономической системы, а как к исторической науке, которая изучает стадии и особенности экономического развития наций. Такой исторический подход был не случаен, ведь Ф. Листу хотелось в первую очередь отразить особенности развития своей страны. А что может быть более национальным, чем история? Поэтому, критикуя космополитическую экономию А. Смита, Ф. Лист выступал, прежде всего, как национальный экономист.

Если влияние Листа на марксизм остается пока дискуссионным, несомненно его влияние на немецкую историческую школу, подготовившую становление институционализма. Историческая школа стала протестом против формализма и абстракций классической политэкономии, в которой человек превратился во второстепенную деталь, своего рода рациональную акциденцию. Она отразила возросшее сознание роли, которую играет человеческий фактор в развитии человечества.

В своем развитии историческая школа прошла три этапа: старую (В. Рошер, Б. Гильдебранд, К. Книс), новую (Г. Шмоллер, К. Бюхер) и новейшую (В. Зомбарт, М. Вебер). Экономисты часто критикуют представителей немецкой исторической школы как сторонников эмпиризма без теории. Однако это не вполне справедливо.

Критикуя классическую политэкономию, Густав Шмоллер (1838-1917) действительно пропагандировал необходимость скрупулезного описания фактического хозяйственного поведения, но при этом подчеркивал роль неэкономических факторов развития, и прежде всего моральных норм, этики и культуры в хозяйственной деятельности. У Карла Бюхера (1847-1930) есть уже периодизация глобальной экономической истории на стадии («ступени») «замкнутого домашнего хозяйства», «городского хозяйства» и «народного хозяйства». Эта периодизация неудачна тем, что абсолютизирует отношения товарообмена. Однако К. Бюхер все же вышел за рамки либерального представления о «рынке всегда и везде», поскольку признал существование до-товарного хозяйства и разные степени зрелости самих отношений товарного обмена.

Макс Вебер (1864-1920) показал многообразие типов капитализма. Пожалуй, наибольшее воздействие на современников оказали идеи М. Вебера, сформулированные им в монографии "Протестантская этика и дух капитализма"[2]. Эта работа напрямую связала генезис рыночного хозяйства со спецификой европейской цивилизации, с уникальностью протестантской ментальности. Тем самым она остро поставила вопрос о традиционализме жизни в других странах, о невозможности в связи с этим быстрой капиталистической модернизации тогдашней периферии мирового хозяйства. Его идеи нашли полемический отклик в трудах Вернера Зомбарта (1863-1946), который анализировал роль институтов в формировании своеобразных черт экономического строя, рассматривая генезис современного капитализма как своеобразное проявление жизни духа.

---

[2] Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 44–135.

Вернер и Зомбарт были современниками основоположника институционализма, американского экономиста Торстейна Веблена (1857-1929). Немецкая историческая школа передала первым институционалистам «эстафету» критики неоклассики с позиций отрицания «вечных» рыночных законов.

Чтобы понять, почему институционалисты устойчиво проявляют интерес к экономической истории, напомним смысл ключевого для них понятия «*институт*».

Когда в 1918 г. Уилтон Гамильтон ввел это понятие, он определял институт как «распространенный способ мышления или действия, запечатленный в привычках групп и обычаев народа». С его точки зрения институты фиксируют устоявшиеся процедуры, отражают общее согласие, сложившуюся в обществе договоренность. Позже под институтами понимались обычаи, корпорации, профсоюзы, государство и т. д. В наши дни под институтами обычно понимают *«правила игры в обществе»* (созданные людьми ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми), а также *системы мер (организации), обеспечивающие выполнение этих правил*. Институты создают структуру побудительных мотивов взаимодействия людей, уменьшают неопределенность, организуя повседневную жизнь.

Таблица 0-1

Современные "большие теории" общественного развития

"Большие теории"		**Создатель и последователи**	**Типология экономических систем**
Марксизм (с 1860-х)		К. Маркс; В.И. Ленин, К.-А. Виттфогель; В.П. Илюшечкин, Ю.И. Семенов	Ортодоксальная версия: первобытность, рабство, феодализм, капитализм, коммунизм. В неортодоксальных версиях предлагается выделять иные типы (азиатский способ производства, рентный способ производства и др.)
Цивилизационные теории	Цивилизационно-конфессиональные (с 1900-х)	М. Вебер; С. Хантингтон	По культурно-конфессиональным ареалам: западная христианская, восточная христианская, конфуцианская, исламская и др.
	Цивилизационно-национальные (с 1930-х)	А. Тойнби; Р. Ла Порта, Г. Хофстед, Ф. Фукуяма; Н.С. Розов	По культурно-национальным ареалам: англо-саксонская, европейско-континентальная, дальневосточная и др. По странам: французская, шведская, германская, американская, японская, российская и др.
Теория форм обмена (с 1940-х)		К. Поланьи; Дж. Дальтон, М. Салинз	Реципрокность, редистрибуция, рынок
Постиндустриального общества (с 1960-х)		Д. Белл; О. Тоффлер, М. Кастельс	Доиндустриальное, индустриальное, постиндустриальное общество
Мир-системный анализ (с 1970-х)		И. Валлерстайн; Ф. Бродель, Дж. Арриги, А. Франк	Локальные общности, мир-империи (древнеперсидская, древнеримская, арабская, испанская и др.), мир-экономики (финикийская, средневеково-европейская, средневеково-арабская, европейская капиталистическая и др.)
Новая экономическая история (с 1980-х)		Д. Норт; А. Греф, Д. Уоллес	Первобытный строй, социальный строй с ограниченным доступом, социальный строй с открытым доступом

Таким образом, институционалисты принципиально рассматривают ныне существующие хозяйственные практики не как нечто вечное и «естественное», а как лишь как один из многих известных в истории наборов «правил игры». Поэтому для историков институциональные экономические теории являются естественной опорой, а мышление институционалистов всегда имеет исторический характер.

Спектр современных теорий экономической истории

Тесная связь именно с институциональным «экономиксом» сохраняется на протяжении всей истории историко-экономической науки, вплоть до наших дней.

В современном мировом обществоведении можно встретить не менее полудюжины научных парадигм, претендующих в той или иной степени на статус «большой теории». Одни из них имеют более чем столетнюю биографию, другие же родились в последние десятилетия (Табл. 0-1). Абсолютно все они являются институциональными.

Наряду с перечисленной шестеркой "больших теорий" есть еще немало теорий, так сказать, среднего уровня. "Средние теории" тоже рассматривают отдельные глобальные, многовековые тенденции общественного развития, однако сами по себе не могут привести к созданию оригинальной типологизации экономических систем. К числу таких "средних теорий" относятся, например, складывающаяся с 1990-е гг. и связанная с синергетической парадигмой теория зависимости от предшествующего развития (П. Дэвид, Б. Артур), которая анализирует ситуации случайного/сознательного выбора новых стратегий развития в бифуркационных точках[3].

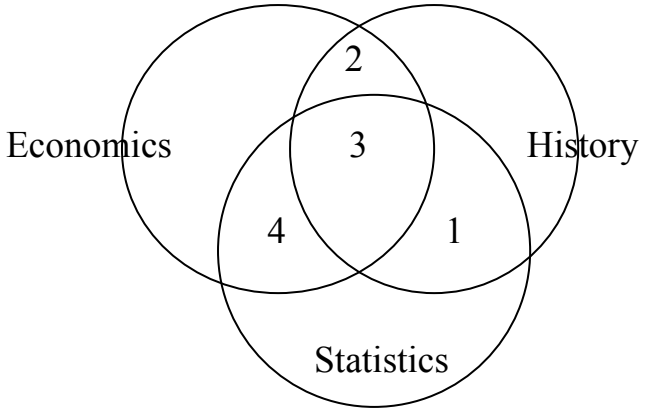

Рис. 0-1. Взаимодействие экономической теории, исторической и статистической наук.

1 – квантитативная история без «экономикса»; 2 – теоретическая экономическая история без экономико-математического моделирования; 3 – теоретическая экономическая история с экономико-математическим моделированием; 4 – эконометрика (к клиометрике относятся области 1 и 3, к новой экономической истории – 1, 2, 3).

Особое внимание следует обратить на интенсивное использование в современных теориях экономической истории клиометрических (экономико-математических, основанных на исторических базах данных) моделей[4]. Современная экономическая история развивается чаще всего на стыке сразу трех областей научного знания (Рис. 0-1) – институциональной экономической теории, исторической и статистической наук.

---

[3] Дэвид П. Клио и экономическая теория QWERTY // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006.

[4] Клиометрику определяют как «применение экономической теории и количественных методов для описания и объяснения исторических процессов и явлений в сфере экономического развития», как соединение идей истории, экономики и статистики (Уильямсон С. История клиометрики в США. С. 76, 78).

Предлагаемая нами модель вбирает идеи институционализма. В основе этого подхода лежит соединение неоинституционализма Д. Норта с теорией социально-экономических систем, разрабатываемой как марксистами, так и «старыми» институционалистами. Что касается других концептуальных подходов к экономической истории, то их можно ввести в мега-теорию как ее частные компоненты.

Данная теория экономической истории призвана определенным образом синтезировать лучшие идеи всех этих парадигм. Это возможно, поскольку все перечисленные парадигмы основаны на трактовке общества, рассматриваемого не как механическая сумма индивидов, а как система социальных организаций и социальных норм. В этом случае существующие «большие» теории не противоречат, а дополняют друг друга.

Основой такого синтеза, по нашему мнению, может стать *трактовка экономического развития как глобальной конкуренции экономических систем и институтов*, в процессе которой происходит отбор – отчасти осознанный, отчасти стихийный – наиболее эффективных путей социально-экономического развития человечества.

0.2. Институциональная экономическая история и теория зависимости от предшествующего развития

Трактовка институтов как сознательно и/или стихийно складывающихся «правил игры» естественным образом ставит вопрос о том, как и почему эти правила меняются. Сторонники новой экономической истории делают акцент на сознательном выборе норм, на институциональном конструировании и экспорте институтов. Но есть и другая сторона проблемы изменчивости институтов. Речь идет об институциональной инерции, которая стала главным объектом изучения своего рода «новейшей экономической истории». Речь идет о возникшей в 1980-е гг. теории Path Dependency, основы которой заложены американскими экономистами-историками Полом Дэвидом и Брайаном Артуром.

От QWERTY-номики – к экономической теории стандартов и альтернативной экономической истории технологий

Название теории Path Dependency принято в отечественной литературе переводить как «зависимость от предшествующего развития». Она тоже обращает внимание на институциональные изменения и на роль институтов в технических изменениях. Однако если в «нортовской» новой экономической истории главный акцент сделан на том революционизирующем влиянии, которое оказывают правовые инновации и изменение трансакционных издержек на социально-экономическое развитие, то в теории зависимости от предшествующего развития основное внимание обращается на инерционность развития. Иначе говоря, если последователи Д. Норта изучают, *как становятся возможны институциональные инновации*, то последователи П. Дэвида и Б. Артура, наоборот, – на то, *почему институциональные инновации далеко не всегда возможны*. Кроме того, если Д. Норт при изучении институтов акцентирует внимание на правах собственности, то П. Дэвид и Б. Артур – на неформальных механизмах выбора.

Поскольку оба эти аспекта связаны друг с другом, как орел и решка, то происходит интенсивное взаимодействие и взаимообогащение этих двух институциональных теорий экономической истории. Характерно, что Д. Норт в своей книге «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» очень оперативно откликнулся на только-только начавшие приобретать популярность идеи «новейших экономисториков» и включил их в свою концепцию как один из ключевых ее компонентов.

Формирование теории Path Dependency началась в 1985 г., когда П. Дэвид опубликовал небольшую статью[5], посвященную такому, казалось бы, мелкому вопросу, как формирование стандарта клавиатур печатающих устройств (подробное изложение этого сюжета см. в гл. 7). Он доказывал, что хорошо нам знакомая QWERTY-клавиатуры печатающих устройств стала результатом победы *менее* эффективного стандарта над *более* эффективными. Изучение экономической истории технических стандартов, начатое после пионерных работ П. Дэвида и Б. Артура, показало необычайно широкое распространение QWERTY-эффектов едва ли не во всех отраслях (подробнее см. гл. 6).

Под QWERTY-эффектами в современной научной литературе подразумевают все виды сравнительно неэффективных, но устойчиво сохраняющихся стандартов, которые демонстрируют, что «история имеет значение». Эти эффекты можно обнаружить двумя путями –

1. либо сравнивать *реально сосуществующие* в современном мире технические стандарты,
2. либо сопоставлять *реализованные* технические инновации с *потенциально возможными, но не реализованными*.

Хотя современная экономика давно глобализируется и унифицируется, в разных странах мира продолжают сохраняться разные технические стандарты, не совместимые друг с другом. Некоторые примеры общеизвестны – например, различия между левосторонним (в бывшей Британской империи) и правосторонним движением на дорогах разных стран, что заставляет одних автопроизводителей ставить на машины руль слева, а других – справа. Другие примеры менее известны, как, скажем, различия в ширине железнодорожной колеи или в стандартах передачи электроэнергии.

В сравнении с изучением соревнования разных технических стандартов несколько более умозрительным, но и более многообещающим является анализ «несостоявшейся экономической истории». Речь идет о том, что, по мнению многих историков-экономистов, некоторые победившие из-за конъюнктурных обстоятельств технические инновации перекрыли другие, потенциально более эффективные пути развития.

Теория зависимости от предшествующего развития и близкие к ней научные исследования по альтернативной истории основаны не на неоклассическом «экономиксе» (как «фогелевская» новая экономическая история), а на метанаучной парадигме синергетики, связанной с идеями известного бельгийского химика Ильи Пригожина (тоже Нобелевского лауреата), создателя теории самоорганизации порядка из хаоса[6]. Согласно разработанному им синергетическому подходу, развитие общества не является жестко предопределенным (по принципу «иного не дано»). На самом деле наблюдается чередование периодов эволюции, когда вектор развития изменить нельзя (движение по аттрактору), и точек бифуркации, в которых возникает возможность выбора. Когда «QWERTY-экономисты» говорят об исторической случайности первоначального выбора, они рассматривают как раз бифуркационные точки истории — те ее моменты, когда происходит выбор какой-либо одной возможности из веера различных альтернатив. Выбор в таких ситуациях практически всегда происходит в условиях неопределенности и неустойчивости баланса социальных сил. Поэтому при бифуркации судьбоносными могут оказаться даже совсем мелкие субъективные обстоятельства – по принципу «бабочки Брэдбери».

---

[5] David Paul A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. Vol. 75. № 2.

[6] С. Марголис и С. Либовиц в своей энциклопедической статье о Path Dependency четко указывают, что «зависимость от предшествующего развития – это идея, которая пришла в экономическую теорию от интеллектуальных движений, возникших в другой сфере. В физике и математике эти идеи связаны с теорией хаоса» (Margolis S.E., Liebowitz S.J. Path Dependence // The New Palgrave Dictionary of Economics and Law. Ed. by P. Newman. L.: Macmillan, 1998). См. также: Бородкин Л.И. «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 98-118.

Итак, после многочисленных исследований QWERTY-эффектов историки-экономисты с изумлением обнаружили, что многие окружающие нас символы технического прогресса приобрели хорошо знакомый нам облик в результате, в общем-то, во многом случайных обстоятельств, и что мы живем вовсе не в лучшем из миров.

От QWERTY-номики – к экономической теории Path Dependence и альтернативной экономической истории институтов

Самое главная из новых идей, предложенных в развитие первоначальной концепции П. Дэвида, заключается в том, что победу изначально выбранных стандартов/норм над всеми другими, даже сравнительно более эффективными, можно наблюдать не только в истории развития технологий, но и в истории развития институтов. В 1990-е гг. появилось немало исследований, включая работы самого Дугласа Норта, развивающих эту новое направление использования QWERTY-подхода. Английский ученый Д. Пуфферт прямо заявил, что «зависимость от предшествующего развития для институтов, вероятно, будет вполне подобна зависимости от предшествующего развития для технологий, поскольку обе основаны на высокой ценности адаптации к некоей общей практике (какой-либо технике или правилам), так что отклонения от нее становятся слишком дорогостоящими»[7].

Если при описании истории технических инноваций чаще пишут о QWERTY-эффектах, то в рамках анализа институциональных инноваций обычно говорят о Path Dependency – зависимости от предшествующего развития. Впрочем, оба этих термина многие используют как синонимичные. Сам П. Дэвид дал Path Dependency определение следующим образом: «зависимость от предшествующего развития – это такая последовательность экономических изменений, при которой важное влияние на возможный результат могут оказать отдаленные события прошлого, причем скорее случайные события, чем систематические закономерности»[8].

В истории развития институтов проявления зависимости от предшествующего развития можно проследить на двух уровнях – во-первых, на уровне *отдельных институтов* (правовых, организационных, политических и т.д.), а во-вторых, на уровне *институциональных систем* (особенно, национальных экономических систем).

К настоящему времени накопилось много исследований, анализирующих зависимость от предшествующего развития и в формировании самих институтов – золотого стандарта, систем общего и гражданского права, центрального банка и т.д.

Важный вклад в экономическую теорию институциональных изменений внес российский экономист Виктор Меерович Полтерович, рассмотревший на примере постсоветской экономики такую любопытную разновидность зависимости от предшествующего развития как «институциональная ловушка»[9]. Речь идет о том, что среди путей развития возможны варианты, которые более выгодны в краткосрочном периоде, однако в долгосрочном они не просто менее эффективны, чем альтернативные (зарубежные экономисты рассматривали именно такие случаи), но делают дальнейшее развитие просто невозможным. Именно таков был, в частности, эффект от развития в постсоветской России бартерной экономики: она позволяла временно решать проблемы малоэффективных предприятий, однако делала невозможной сколько-нибудь решительную реструктурализацию производства (подробнее см. главу 14).

---

[7] Puffert Douglas J., 2003a. Path Dependence, Network Form and Technological Change // History Matters: Essays on Economic Growth, Technology and Demographic Change. Ed. by W. Sundstrom, T. Guinnane, and W. Whatley. Stanford: Stanford University Press, 2003 (http://www.vwl.uni-muenchen.de/ls_komlos/nettech1.pdf). См. также: David P. Why are institutions the “carriers of history”? Path dependence and the evolution of conventions, organizations and institutions // Structural Change and Economic Dynamics. 1994. Vol. 5. № 2.

[8] David Paul A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. Vol. 75. № 2. P. 332.

[9] Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2.

Что касается сравнительного анализа национальных экономических систем как институциональных рамок хозяйственной эволюции, то он имеет в экономической науке довольно давнюю традицию. Можно вспомнить хотя бы хрестоматийные для российских обществоведов старшего поколения работы В.И. Ленина (например, написанную в 1908 г. «Аграрную программу социал-демократии в первой русской революции 1905-1907 годов»), посвященные сравнению прусского (юнкерского) и американского (фермерского) путей развития капитализма в сельском хозяйстве[10]. Он подчеркивал, что главным тормозом развития капитализма в России является именно феодальное наследие, которое проявляется не только в помещичьем землевладении, но и в общинном землепользовании. В зарубежной историко-экономической науке можно вспомнить, например, теорию эшелонов развития капитализма по А. Гершенкрону[11], согласно которой путь развития страны «программируется» на века вперед тем, смогла ли она прийти к капитализму самостоятельно (первый эшелон), или же внешнее влияние инициировало внутренние источники саморазвития (второй эшелон), либо капитализм остается «присадкой извне» (третий эшелон). В этом же ключе работал и Д. Норт, указывая на глубокие и труднопреодолимые различия между развитием Латинской Америки, унаследовавшей институты отсталой Испании, и Северной Америки, развивавшейся под влиянием более передовых английских институтов.

Применение теории зависимости от предшествующего развития к экономической истории институтов позволяет видеть их альтернативные издержки и тем самым делать выводы об эффективности выбора, сделанного в бифуркационных точках социально-экономического развития.

0.4. Институциональная экономическая история, которую предстоит создать: история как конкуренция институтов

Институциональная конкуренция

Технические инновации, которые при ортодоксально-марксистских подходах считались главным «мотором» развития общества, в рамках институциональной парадигмы рассматриваются как результат институциональных инноваций, порождающих спрос на новые технологии и создающих условия для их внедрения в хозяйственную практику. Впрочем, возможно и обратное влияние технических нововведений на экономические институты, которое особенно усиливается в эпоху новейшей истории.

Главным теоретическим принципом нового подхода является тезис о *конкуренции как главном содержании экономической истории*[12]. Эта конкуренция прослеживается в двух аспектах:

1) конкуренция институтов («правил игры»);
2) конкуренция экономических систем – комплексов институциональных норм.

В процессе конкурентного отбора соревнуются многие нормы и системы, частично субституциональные по отношению друг к другу. В ходе этой конкуренции происходит отбор тех институтов и тех экономических систем, которые наиболее эффективны.

Анализ институциональной конкуренции требует освещения двух основных вопросов:

1) Ради чего ведется конкуренция?
2) Каковы критерии сравнительной эффективности конкурирующих институтов?

---

[10] См., например: Ленин В.И. ПСС. Т. 16. С. 215-219.

[11] Herschenkron A. The approach to European industrialization: a postscript // Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. Cambridge (Mass.), Harvard University, 1962. P. 353-364.

[12] При формулировании концепции конкуренции как механизма исторического развития авторы опираются не только на ранее перечисленные теории исторического развития, но и на идеи «конкуренции как процедуры открытия», предложенные Ф. фон Хайеком (Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12. С. 5-14).

Ответ на первый вопрос связан с узловым для современно экономической теории понятием «ограниченности ресурсов». Люди, вовлеченные в ту или иную институциональную систему, постоянно испытывают нехватку чего-либо (работников, плодородной земли, капиталов, полезных ископаемых и т.д.). Восполнить эту нехватку можно двумя путями – либо «взять у природы» (создавать новые технологии материального производства), либо «взять у других». Под «другими» здесь понимаются как раз представители иной институциональной системы, а «взять» означает либо отнять чужие ресурсы, либо перенимать чужие методы более эффективного использования своих ресурсов.

Институциональную конкуренцию можно, казалось бы, считать экстенсивным путем социально-экономического развития, поскольку она направлена на расширение количества ресурсов, находящихся в распоряжении какой-либо одной институциональной системы, а не на увеличение эффективности их использования в рамках разных систем. Однако именно конкуренция систем заставляет их мобилизовать свои способности по повышению эффективности использования ресурсов. Поэтому без институциональной конкуренции интенсивный путь социально-экономического развития тоже вряд ли возможен. (Отсюда, кстати, вытекает необходимость институционального разнообразия. Если будет господствовать одна-единственная институциональная система, то она в значительной степени потеряет стимулы к совершенствованию.)

Таким образом, объективная цель институциональной конкуренции – это расширение сферы действия отдельных видов или отдельных наборов «правил игры».

Ответ на второй вопрос таков: в столкновении разных институтов побеждают те, которым легче подавить конкурентов. Это, конечно, похоже на тавтологию («побеждают те, которые побеждают»). Однако такая тавтология обращает внимание на главный критерий сравнительной эффективности институтов – на их способность противодействовать «чужому». Подавление «чужих» моделей может происходить самым разным образом: либо «экспортом институтов» прямым военным насилием (завоевание Америки в XVI-XIX вв. европейцами), либо демонстрацией преимуществ своей модели и помощью в «импорте институтов» (современная политика США в отношении остального мира).

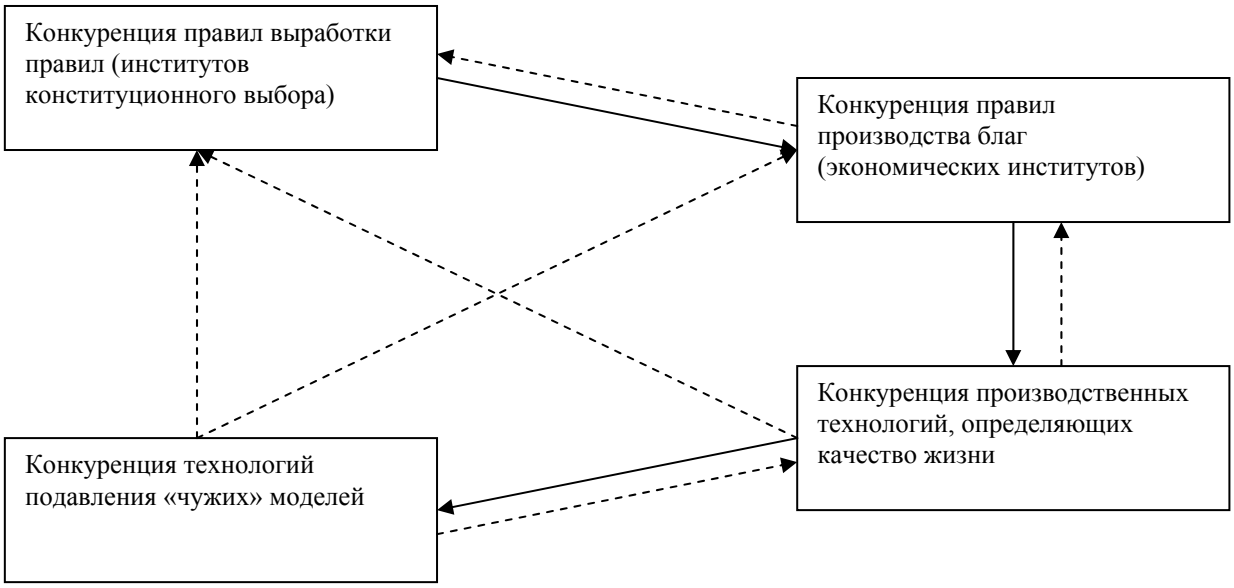

Рис. 0-2. Уровни конкуренции региональных (национальных) моделей экономики.

Конкуренция технологий подавления (противоборства подавлению) является отражением других уровней конкуренции (см. Рис. 0-3). Среди технологий подавления (военных, экономических, идеологических) более сильны те, которые опираются на преимущества в производстве и потреблении (уровне и качестве жизни). «Правы большие

батальоны», вооруженные более современным оружием и желающие отстаивать свой образ жизни. Конкуренция уровня и качества жизни, далее, опирается на конкуренцию правил производства экономических благ – на конкуренцию экономических институтов. Высшим уровнем институциональной конкуренции является конкуренция правил совершенствования старых и генерирования новых экономических институтов.

В этой схеме есть, конечно, не только прямые, но и обратные зависимости. Так, появление среди технологий подавления «оружия непрофессионалов» (например, простого и дешевого огнестрельного оружия в XIX в.) ведет к росту конкурентоспособности правил конституционного выбора, поскольку самые широкие слои населения могут весомо настаивать на своем участии в выборах.

Следует подчеркнуть, что конкурентные преимущества на более верхних «этажах» нашей схемы становятся не потенциально возможными, а реальными лишь тогда, когда они влияют на конкурентные преимущества более низких «этажей». Перефразируя классика, можно сказать, что любая институциональная система «лишь тогда чего-нибудь стоит, когда умеет защищаться» и наступать. Если некая институциональная система обеспечивает своим приверженцам более высокий уровень жизни, но не дают защиты от внешней агрессии, то такая система заведомо не конкурентна в долгосрочном периоде. Именно такая ситуация сложилась, например, в годы Гражданской войны в России, когда «зеленая» (махновская) модель была для очень значительной части крестьян привлекательнее и «красной», и «белой» моделей, но не обеспечивала им эффективной защиты от «человека с ружьем».

В том случае, когда силовые возможности разных моделей приблизительно равны, исход их противоборства может быть решен во многом случайными обстоятельствами. Именно так произошло в ходе конкуренции между Москвой и Великим княжеством литовским (Русско-литовским государством) в XIII-XVI вв., когда конфессиональный выбор правящей династии Литвы лишил их возможности «разыгрывать русскую карту».

Критерий эффективности конкурирующих институтов и систем можно сформулировать и как их способность повышать благосостояние людей – благосостояние в самом широком смысле слова (не только материальное, но и духовное; не только «здесь и сейчас», но и в долгосрочном аспекте). Дело в том, что мобилизационная способность конкурирующих институтов и систем определяется именно тем, насколько люди могут и желают их отстаивать.

Следует подчеркнуть, что в силу зависимости от предшествующего развития эффективность институтов и систем может заметно различаться в среднесрочном и в долгосрочном периодах. Поэтому первоначально побеждавшие в конкуренции нормы и системы могут затем потерять свой конкурентный потенциал и оказаться «институциональной ловушкой».

В силу множественности конкурирующих институтов и систем процесс развития общества является многоуровневым и многолинейным:

- соревнуются разные общественные системы (в частности, в первой половине XX в. – командная индустриальная с рыночной индустриальной);
- соревнуются разные цивилизационные и национальные системы (так, в XX в. внутри командной системы соревновались советская, китайская и восточноевропейская подсистемы);
- соревнуются различные институты внутри цивилизационных и национальных экономических систем (например, в США XX в. шло соревнование между прямыми, кейнсианскими, и косвенными, неоклассическими, методами регулирования экономики).

Важно подчеркнуть, что каждый из институтов развивается не изолировано, а как элемент определенной институциональной системы. Поэтому институциональная конкуренция, как правило, является конкуренцией «пакетов» взаимосвязанных институтов. Если один институциональный «пакет» в целом эффективнее другого, то

доминирующими становятся все его компоненты, даже если отдельные институты из предпочтительного «пакета» хуже соответствующих институтов менее конкурентного пакета. Так, во время конкуренции в XIII – XV вв. московской и новгородской моделей русской государственности победила московская модель, поскольку именно она позволяла обеспечивать более высокую обороноспособность. При таком высшем критерии эффективности экономическая и политическая демократия новгородской модели уступили место помещичьей системе и царскому деспотизму (подробнее см. главу 11).

Таким образом, *экономическая история* предстает *как последовательность институциональных выборов – выборов траекторий развития*, коллективно совершаемых отдельными социальными группами и цивилизациями во взаимодействии друг с другом.

Институциональный выбор

Институциональный выбор – это такое изменение формальных и неформальных правил, а также способов и эффективности принуждения к исполнению правил и ограничений, когда выбирается какой-либо один предпочтительный вариант из нескольких потенциально возможных. Понятие «институциональный выбор» практически сливается с понятием «институциональной инновации», поскольку вряд ли есть хоть одна социально-экономическая проблема, которую можно решить одним-единственным образом.

Рождение новых институтов и экономических систем может являться «ответом» на «вызов» каких-либо внешних факторов, но чаще является результатом саморазвития самого общества – конкуренции ранее существовавших институтов.

Изменения в формальных правилах (или в механизмах, обеспечивающих их соблюдение) обычно требуют весьма значительных затрат ресурсов, что ограничивает возможности институционального выбора. Экономические субъекты участвуют в институциональном выборе, направляя свои таланты и знания на поиск выгодных возможностей через создание как конечных, так и промежуточных организаций, которые действуют в экономической и в политической сферах, обеспечивая требуемые изменения в формальных правилах. Экономические изменения формальных правил могут происходить и довольно быстро, если старые институты внезапно сломаны или временно нейтрализованы (как это бывает в периоды революций или завоеваний). Чаще, однако, эти изменения происходят медленным эволюционным путем.

Что же касается изменений в неформальных правилах, то они осуществляются только постепенно. Темп изменений здесь совсем иной, более медленный, здесь важную роль играют культура (как механизм передачи ценностей и норм от одного поколения к другому), случай и естественный отбор.

Важную роль в институциональных изменениях играют организации. Организация, в самом широком смысле слова – это группа людей, объединенная стремлением сообща достичь какой-либо цели. Стремясь максимизировать благосостояние, организации и их руководители формируют направление институциональных изменений. Существуют две основные стратегии изменений: одна осуществляется в рамках существующего набора ограничений, другая требует изменения самих ограничений.

Процесс изменений обычно включает как организационные эксперименты, так и устранение организационных ошибок. Проблема, однако, заключается в том, в какой степени общество допускает эти организационные изменения, в какой степени оно заинтересовано в устранении организационных ошибок.

Долгосрочные экономические изменения являются, как правило, результатом накопления множества краткосрочных решений политических и экономических агентов. Выбор, которые делают агенты, отражает их субъективное представление об окружающем мире. Поэтому степень соответствия между результатами и намерениями зависит от того, насколько верны эти представления. Поскольку модели поведения людей отражают идеи,

идеологию, убеждения (которые, в лучшем случае, лишь частично подвергаются исправлению и улучшению обратной связью), то последствия сознательно принятых решений часто являются не только неопределенными, но и непредсказуемыми. Поэтому исторический процесс всегда допускает альтернативность, хотя и в разной мере в различные периоды.

Идеология в широком смысле слова является важным механизмом координации краткосрочных и долгосрочных приоритетов людей. Если бы не было идеологических мотивов, то люди делали выбор с ориентацией только на удовлетворение своих личных краткосрочных интересов. Поэтому институциональный выбор проходит в атмосфере соперничества идеологий, которые сами являются одним из институтов конституционного выбора.

Институциональный выбор имеет иерархическую структуру, отражающую иерархию уровней институциональной конкуренции: выбор отдельных экономических институтов зависит от предварительного выбора институтов конституционного выбора и сам оказывает определяющее воздействие на выбор производственных технологий.

Отбор более совершенных институтов и экономических систем может происходить разными способами: как стихийно (неосознанно), так и сознательно. По аналогии с изучаемой теорией общественного выбора проблемой выбора правил принятия решений, можно говорить о конкуренции способов отбора институтов как о высшем уровне институциональной конкуренции в экономической истории.

* * *

Объяснив ту теорию, которую авторы данной книги намерены применять при анализе институционального развития России и Европы, мы переходим к изложению того, как разошлись (надолго? навсегда?) их пути развития.